

Чем может частный Фонд помочь исламоведению?

Научные проекты Фонда Марджани — ради познания Ислама.

Джаннат Сергей Маркус

Кто только не жалуется ныне на невнимание государства к фундаментальным, особенно гуманитарным, наукам, на ослабление интереса молодёжи к профессии учёного! На нехватку финансирования, в конце концов...

Однако, скоро исполнится 5 лет новому благотворительному Фонду, названному в честь великого татарского богослова и историка Шихабутдина Марджани (1818-1889) и основанного Рустамом Сулеймановым в Москве. О роли науки и о конкретных свершениях культуролог Джаннат Сергей Маркус беседует с братом по вере Игорем Леонидовичем Алексеевым, директором научных программ Фонда Марджани, доцентом Российского государственного гуманитарного университета, кандидатом исторических наук.

— Вы руководите научными проектами Фонда Марджани. Когда они стартовали и с какой целью?

— Научная программа была запущена с момента создания Фонда в 2006 году, как одна из главных составляющих его деятельности, наряду с культурно-просветительскими мероприятиями, выставками, конкурсами и пр. Поддержка Фондом научных исследований в области исламоведения соответствует уставным целям нашей организации — содействовать осуществлению оригинальных программ в области развития гуманитарных наук, культуры и искусства, направленных на сохранение культурного наследия народов Евразии.

С этой целью мы сотрудничаем с различными научными и культурными учреждениями России, образовательными и исследовательскими центра-

истории традиционно исповедующих его народов, но и как фундаментальный вектор духовного становления человечества.

Сегодня немногие задумываются о том, что в эпоху расцвета средневековой арабско-мусульманской цивилизации именно исламские наука, культура и искусство задавали интеллектуальные, этические и эстетические эталоны для передовой части тогдашнего человечества. Это была не локальная культура или совокупность локальных культур какой-то мировой провинции — это был глобальный проект реализации той «милости для миров», в качестве которой, согласно Корану, был послан Пророк Мухаммад ﷺ. Мы стремимся выявить эту ценностную парадигму в рамках современных интеллектуальных и культурных проектов, превращая их результаты в продукт, доступный для восприятия вне зависимости от конфессиональных барьеров.

— Мы родились и получили образование в советское время, когда все науки, тем более гуманитарные, были исключительно в ведении государства и могли развиваться в строго очерченном идеологией русле. Ваш Фонд — частный. Насколько оправданно вторжение частной инициативы в сферу науки: ведь тут неизбежен субъективизм? Или наоборот, это преимущество в сравнении с государственной организацией научного процесса?

— Вам повезло больше: когда я поступил в университет в 1992, он уже назывался Петербургским, хотя на студенческом билете ещё стояло «ЛГУ имени А. А. Жданова». Диплом получил в 1998, диссертацию защитил вообще в 2002. Так что я в этом смысле хоть и стреляный уже воробей, но ещё непуганый. Тех времён в науке я не помню и о

Директор научных программ Фонда Марджани Игорь Алексеев.

Бунятов, или Теодор Адамович Шумовский, открывший русскому читателю историю арабского мореплавания — я вижу, что никакое идеологическое давление не может снизить научное качество и глубину исследования. Можно уничтожить учёного физически или морально как человека, сгноить в лагерях, но нельзя уничтожить научное мышление как потребность человеческого ума. Как писал тот же Шумовский, «научного сотрудника можно уволить, или он может уйти на пенсию, учёный же на пенсию уйти не может». Также нельзя «уволить из науки» — это как «отлучить от Ислама». От Церкви отлучить можно, а от науки — и Ислама — нет.

Что касается частной инициативы и субъективизма в науке. Субъективизм в советскую эпоху устранялся ведь не государством — скорее уж наоборот. Главной защитой от субъективизма является научная методология, которая, помимо прочего, подразумевает доступность результатов и возможность их проверить. А главным инструментом здесь является не «линия партии», а научная дискуссия.

тот же вакф, только выделяемый из госбюджета.

Свои преимущества есть в обеих формах, равно как и недостатки. Мы, фактически, помогаем государству выполнять его же задачу — поддержку фундаментальной науки, с которой само государство сегодня не успевает справиться, ориентируясь на иные приоритеты. Но с нашей точки зрения, если мы не будем этого делать — мы потеряем знание вообще. Уже поколение 1990-х выпало из цепи передачи научных знаний, а если выпадет следующее и старики уйдут — общество останется невежественным. Невежество в нашей области знаний — о народах и религиях — особенно опасно. Это ещё раз наглядно проиллюстрировали недавние события в Москве, а вся новейшая история Северного Кавказа вообще непрерывно свидетельствует об этом своей болью и кровью.

— Над какими программами работаете сегодня Вы и Ваши коллеги?

— Ныне в Фонде действуют три основные научные программы: «Классическое исламское наследие», «Ислам в России и Евразии» и программа изучения наследия Золотой Орды и тюркских народов Евразии. Мы уже издали в рамках этих программ ряд работ, в частности сборник «Дагестан и мусульманский Восток» в честь профессора А.Р. Шихсаидова, фундаментальное исследование московского философа Майсема аль-Джанаби «Теология и философия ал-Газали», антологию переводов средневековой арабско-мусульманской философии, выполненных А.В. Сагадеевым, двухтомник «Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана» под редакцией В.О. Бобровникова, тексты и переводы татарских исторических сочинений, два сборника документов советских органов госбезопасности по «мусульманскому вопросу», подготовленные Д.Ю. Араповым и Г.Г. Косачом, работы по исламской экономике и политическим проблемам современного Ближнего Востока.

Сейчас ведётся работа над переводом важнейших исторических сочинений позднесредневековых мусульманских авторов — Ибн ал-Асира и Ибн Халдуна, а также готовится к изданию выполненный Т.А. Шумовским перевод арабского средневекового руководства по мореплаванию Сулаймана ал-Махри, явля-

ющегося уникальным памятником позднесредневековой мусульманской научно-технической мысли. Готовится к изданию третий сборник документов «Ислам и советское государство», работы по джадидизму в Поволжье и Дагестане.

Наши коллеги по Фонду готовят серию изданий сказок и эпоса народов «Великого шёлкового пути» в переводе на современный русский язык и адаптированных для детей. Только что мы провели в РУДН в Москве большую международную конференцию «Мир Ислама: история, общество, культура», готовим ряд новых конференций и семинаров. В последнее время начали активно работать над проектом создания в Москве общедоступной фундаментальной исламоведческой библиотеки.

— Многие отмечают, что после Перестройки рухнула старая советская система обучения востоковедов и на смену никто не приходит. Значит, изучение Востока и экспертные оценки, в которых нуждаются и политики, и бизнес, и СМИ — будут вести иностранные учёные?

— Я бы так не сказал. Да, снизился научный уровень, молодёжь не идёт в науку как в профессию. Но подготовка востоковедов не сокращается, а наоборот — расширяется, сегодня востоковедное образование можно получить и в Челябинске, и в Биробиджане — о чём ещё в 1980-е нельзя было и подумать. Изучение восточных языков пользуется стабильно высоким спросом. Смогут ли эти выпускники стать квалифицированными экспертами — зависит, прежде всего, от них самих, от их упорства и трудолюбия. Но и от нас — тех, кто может помочь направить их энергию в полезное всему обществу русло.

— Какие лично у Вас самые душевно любимые темы в изучении исламской истории и культуры? Быть может, Вы даже мечтали пожить в те времена, с теми людьми? Вопрос, как видите, совсем неакадемичный.

— Вопрос абсолютно академичный — ведь заниматься серьёзно можно только тем, что ты любишь! Стержень моего интереса, в принципе, остаётся один и тот же. Меня интересует, так сказать, общественное сознание, общественная мысль в Исламе в самых разнообразных её проявлениях.

Я стремлюсь понять, как в различные исторические эпохи переформатируется историческая память и меняется представление людей о своём прошлом, а, следовательно, и настоящем. Что касается эпохи — время не выбирают, нельзя его и ругать. Но если говорить о привлекательности образа той или иной эпохи или страны, то меня всегда очень притягивал ал-Андалус — мусульманская Испания до середины 11 века.

О мероприятиях Фонда и его новинках смотрите на сайте — www.mardjani.ru

Новейшие издания ИД Марджани на <http://www.mardjani.com>

Слева направо: доктор юридических наук из Казани Айдар Хабутдинов, директор научных программ Фонда Марджани Игорь Алексеев, главный редактор журнала «Пакс Исламика» Ренат Беккин.

ми, общественными организациями. В фокусе нашего внимания, разумеется, история и культура, наследие мусульманских народов бывшей Российской империи — Урало-Поволжья, Кавказа, Средней Азии. Но мы уделяем значительное внимание и духовному наследию «классического» Ислама эпохи Халифата, и современным процессам в мусульманском мире. Нас интересует Ислам, как важнейший культурообразующий фактор не только в

давлении и ограничениях слышал лишь от учителей и старших товарищей.

Тем не менее, когда я читаю работы наших лучших востоковедов и исламоведов, сформировавшихся в советскую эпоху — таких, как Илья Павлович Петрушевский, первым ставший читать в послевоенном ЛГУ курс исламоведения, или создатель школы дагестанской археографии Амри Рзаевич Шихсаидов, или академик Азербайджанской АН Зия

Частная инициатива тоже бывает разная. Например, Фонд Сороса, который не только выдаёт гранты, но и содержит Центрально-Европейский университет в Будапеште — тоже частный фонд. Наиболее престижные американские университеты — Гарвард, Стэнфорд, Принстон — частные университеты. В исламской традиции образования и наука тоже всегда финансировались за счёт вакфов. Да и сами государственные университеты, Академия наук и т.п. — это